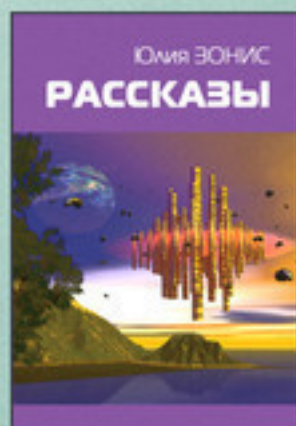

Юлия Зонис

Тринадцатая ночь

*Часть сборника
Рассказы*

Юлия Зонис

Тринадцатая ночь

«Автор»

2008

Зонис Ю. А.

Тринадцатая ночь / Ю. А. Зонис — «Автор», 2008

«Потные могучие спины склоняются – к печи, к печи, к печи. Мечи, бабка, калачи. Раздрай, Воскресение, свежие куличики, верба по всем палисадам. Мужики в хромовых сапогах валят и валят к церкви, вороны ищут в синем небе поживы, и гармоника надывается так яростно, так протяжно...»

© Зонис Ю. А., 2008

© Автор, 2008

Юлия Зонис

Тринадцатая ночь

Потные могучие спины склоняются – к печи, к печи, к печи. Мечи, бабка, калачи. Раздрай, Воскресение, свежие куличики, верба по всем палисадам. Мужики в хромовых сапогах валят и валят к церкви, вороны ищут в синем небе поживы, и гармоника надывается так яростно, так протяжно.

- А скоро ли Масленица?
- Дак Масленица, чай, прошла уже, Пасха на дворе.
- А что же это вы, хозяйка, печете?
- Все пекут, и я пеку.

Дым из трубы, понятно, коромыслом. На заводах не то. Там на широкую ногу все, новое, промышленное – и вместо ухватов какие-то новые конвейеры, говорят, и печи – не печи, а брюха адовы. И вместо бабки в цветастом платке или мокрогубой, простоволосой, трудится рабочий-молодец с широкой спиной, с лопатками-крыльями, он тесто в печь так и кидает, так и мечет яростно – небось, мнится ему, что не каравай кидает в печь, а хозяина-эксплуататора. А хозяин сидит наверху за высокой конторкой, на счетах прибыли подсчитывает: шелк, шелк. У печи, опять же, батюшка длиннорысый, сивая борода вперед торчит, от жара едва не опалается. В руке – кропило, рядом – ведро со святой водой. Вода парит. Кому же, как не ему благословить православное воинство? А воинство из печи выскакивает, свежее, румяное, сразу там же и в колонну строится. С соседнего суконного завода им и обмундирование поставляют, даром что суконщик – тварь, шельма – ворует много, и обмундирование-то все гнилое. Священник махнет кропилом, склонят новоиспеченные воители круглые головы. Прослушают молебен и крест облобызают. Потом все так же, строем, из завода пойдут, и непременно впереди кто-нибудь песню затянет, потому как за Святую Русь без песни воевать идти – последнее дело. По бокам дороги горожаночки юбками – шурх-шурх, глазки шурят, смеются, вербные ветки солдатам бросают. Запевале больше всех достается. На обочине мокрый дотлевающий снег, на нем лошадиный навоз и галки. А на вокзале уже и поезд ждет, теплушки деревянные, паровоз выпускает пары – чух-чух. Грузятся солдаты по теплушкам, и поволочет их машина стальная на фронт, на войну с немцем-басурманином.

Молодка, которая самую пушистую ветку запевале кинула, вздохнет:

- А как же они там, касатики? Вдруг убьют до смерти.
- Не бойсь, баба, – щерится мужичок в ловком сюртучке, сразу видно – приказчик, и не из последних. – Убьют – так новых напечем, долгое ли дело?

Молодка смущенно опускает глаза, а приказчик торжествующе блестит золотым зубом, берет бабу под локоток и ведет за амбары. Там суется галки, выклеивают что-то из едва пробившейся травки скворцы, и журчит, и струится, и пахнет свежим и влажным. Оно и понятно – весна.

Под Рясницей четвертую неделю шли дожди. Как зарядили, так и не прерывались, размывая окопы в грязь, пуская по перекрытиям блиндажей глиняные и песчаные реки. Раньше или позже эти реки начинали стекать внутрь, мутным и унылым водопадом затапливая землянки, размывая чернила на картах и примешиваясь к чаю, к кофе и к офицерскому табаку. Наиболее удачливые захватили местечки потеплее в деревенских хатах, а те, кто промедлил, мерзли в поле и кляли дождь, начальство и ленивых интендантов.

- Что-то будет, – многозначительно покачивал круглой головой Леська Лось.

Дослужившись до капрала, был он пожалован именной трубкой. Трубкой с янтарным чубуком, трубкой из хорошего ясеня, да не кто-то пожаловал, а Его Высочество Кронпринц

Задунайско-Елисейский, собственной персоной, с пожатием руки, поцелуем в уста и торжественным хмыком. Подусники Кронпринца и прекрасные бакенбарды, от которых трепетали сердца мелкопоместных панночек в Рясницком замке, благоухали канифолью и ладаном.

– Атака будет, – ответил Йозек Затуньский.

Йозек в мирной жизни был портным и изрядным жуликом, но солдатом оказался справным. Главное, сапоги у него всегда были целы и шинель не прохудилась, а чего еще желать на фронте? В свободное время, а в последние четыре недели, когда наступление, захлебнувшись, еще не решило – стать ли ему отступлением – все время было свободным, Йозек то и дело скусывал нитку, штопая шинельки товарищей по взводу. За то благодарили его табаком, и выпивкой, и, конечно, добрым словом, которое приятно и кошке, и силезцу, и австрияку.

– Это вряд ли, – мотал башкой Лесь. – Русские-то почище нас в грязище завязли. У нас хоть за плечами деревня, а у них что? Поле и река, а река, небось, им окопы уже подтопила.

– Значит, мы наступать будем, – упрямо твердил Йозька, соскучившийся за шитьем.

– Да куда наступать? Сказано же тебе, башка дурья – река разлилась. Мост снесло, что ж ты – по воде, аки Езус Кристо, в наступление пойдешь? Нет, уж посидим мы тут, пока солнце не проглянет.

В хату вошел молодой Камышка, обтоптал о порог налипшую на сапоги грязь.

– Ну? – подался вперед Йозька.

– Баранки гну. Начальство пьет, в замке не продохнуть. Говорят, панночку подпоили и венчать взялись.

– Да с кем же венчать?

– Вот и я думаю – с кем? Кабы не с полковником нашим. Они там в штабе все такие шутники, от шуток их потом три недели затылок трещит.

Лось пожал плечами и закусил плотнее мундштук. Ему, облаканному самим Кронпринцем, шутки начальства странными не казались. Шутят – значит, и хорошо, значит, и должно.

В замке и вправду было не продохнуть. Горничная распахнула в опочивальне все окна, но чад стоял и здесь, а снаружи тянуло промозглой сыростью, и на подоконник натекло. Панночка прилегла на кровать, прикрыла глаза фарфорово-тонкой рукой. Не осемнадцать годков уже, далеко не осемнадцать. Натанцевалась за вечер, упилась белых дунайских и черно-красных рейнских вин. Пропадай знаменитый отцовский погреб, все пропадай, ничего не жалко. Приподнялась, жарко открыв глаза: кажется, стучат? Нет, послышалось. Это ветер колотится в ставни, это все он, проклятый, отсюда и до Ильменской Пустоши нет ничего, кроме дождя и ветра.

– Мой милый, – прошептала пани в забытии и уронила голову на руку. – Ненаглядный мой.

Сон сморил ясновельможную пани, и вот что ей приснилось:

Обеденная зала отцовского замка, где веpriные головы щерились со стен, помня зло, а олени пилились безмятежно, зла не помня – так вот, зала это стала не зала вовсе, а церковный алтарь. В душном облаке ладана вел под руку невесту статный полковник, и подусники его благоухали канифолью, а в глазах тлели угольки. Сквозь свадебную фату мир виделся смутно, и все же заметно было, что ксендз, стоящий у самого алтаря, на правую ногу хром и странно скособочен.

– Ура! – прокричали веpriные головы, и олени тускло отозвались, – ура.

– Подойди ко мне, дочь моя, – ласково сказал ксендз, и оказался не ксендзом, а родным ее батюшкой, ясновельможным паном Анджеем Рясницким. – Подойди, и я вас обвенчаю.

Полковник подвел невесту к алтарю, и пара опустилась на колени.

– Властью, данной мне перед людьми и богом, отдаю я женщину эту... – начал батюшка и тут же досадливо прервался.

У правой, хромой его ноги сутился тощий человечек по имени Йозек Затуньский. Хлопотал он с портновской меркой, приговаривая:

– А как же, ваша светлость, как же, ваше благородие, сапожок? Сапожок-то не на ту ногу шит, перешить бы надобно.

– Отыди, – громогласно гаркнул батюшка, и пропал рыжебородый человечек с меркой.

– Властью, данной мне, – загудел вновь батюшка-ксендз.

Витражное окно часовни разлетелось со звоном, и, с осколками и дождем, влетел в часовню человек в кожаной тужурке. В руке человека был наган, а ко лбу прилип светлый чуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.